

004613404

На правах рукописи

Баутин Алексей Алексеевич

«ПРОЦЕССЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФРАГМЕНТАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ (1992-2009 гг.)»

Специальность 23.00.02. -

Политические институты, процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата
политических наук

18 Ноя 2010

Воронеж, 2010 г.

Работа выполнена на кафедре международных отношений и
регионоведения Воронежского государственного университета

Научный руководитель

Доктор политических наук, профессор
Слинько Александр Анатольевич

Официальные оппоненты:

Доктор исторических наук, доцент
Черешнева Лариса Александровна

Кандидат политических наук, доцент
Горошков Николай Павлович

Ведущая организация

Кафедра политологии и социологии
Санкт-Петербургского государственного
электротехнического университета

Защита состоится 22 ноября 2010 г. в 15 часов 00 минут на заседании диссертационного совета Д. 212.038.13 в Воронежском государственном университете по адресу: 394068, г. Воронеж, Московский проспект, 88, ауд. 211а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Воронежского государственного университета

Автореферат разослан 81 10 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Черникова В.В.
кандидат политических
наук, доцент

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Широкое распространение сепаратистских движений, особенно в постколониальных странах, процессы политической фрагментации привели к фактическому развалу некоторых государств. Эффект такой фрагментации государства получил название феномена «неудавшихся государств» («failed states»). Сегодня тенденции мирового развития таковы, что количество «неудавшихся государств» растет с каждым годом и составляет более двадцати, в том числе Афганистан, Ангола, Бурунди, Демократическая Республика Конго, Либерия, Сьерра-Леоне, Судан, Сомали и другие. Всего с 1955 по 1998 гг. насчитывается около 114 случаев государственных краха.

Рост числа случаев государственного краха, неудачи и трудности процессов государственного строительства в большинстве постколониальных стран актуализируют и придают огромную практическую значимость исследованиям феномена «неудавшихся государств». Процессы политической фрагментации в Афганистане в качестве предмета исследования выбраны не случайно. Афганистан представляет собой, возможно, классический пример «неудавшегося государства». Процессы политической фрагментации и государственного краха носят здесь длительный, комплексный характер – это и неудачные изменения политического режима (приход к власти М. Дауда 1973 г. и Саурская революция 1978 г.), этнические (этнический конфликт 1990-х гг.) и революционные войны (афганский джихад 1980-х гг.), а также случаи геноцида/политицида. Это позволяет на примере Афганистана, рассмотреть практически весь комплекс форм, причин и процессов политической фрагментации входящих в общий тренд феномена «неудавшихся государств». Кроме того, процессы политической фрагментации и «неудавшееся государство» в Афганистане со пряжены с проблемами исламского экстремизма, международного терроризма и наркобизнеса. Сам Афганистан geopolitически представляет собой сердцевину среднеазиатского региона. Все это актуализирует для политической науки исследование процессов политической фрагментации в Афганистане с точки зрения концепции «неудавшихся государств».

Научная разработанность предмета диссертации. Постановка проблемы «неудавшихся государств» и изучение вопросов связанных с государственным крахом, достаточно широко, хотя и относительно недавно, освещаются и исследуются в англоязычной литературе. Первая публикация датируется 1994 г. – Р. Каплан «Грядущая

анархия»¹. В отечественной политической науке эта тема остается практически неразработанной. Небольшое количество работ имеют либо обзорный, общий характер², либо лишь косвенно³ касаются тематики «неудавшихся государств». В англоязычной литературе относительно феномена «неудавшихся государств» выработалось два направления: первое из них разрабатывает теоретико-методологическую базу и сосредоточено на уточнении содержания концепции, анализе существующих и выработке новых теоретических матриц для изучения феномена «неудавшихся государств»; второе направление условно можно обозначить как практическо-рекомендательное или аналитическое, оно связано с теорией и практикой международных отношений и политических процессов в конкретных странах и регионах и деятельностью соответствующих международных и исследовательских организаций и призвано аналитически обеспечить политику в отношении «неудавшихся государств».

В рамках первого направления сложилось два доминирующих подхода: «Локковский», рассматривающий «неудавшееся государство», как государство, которое не в состоянии или не желает поставлять населению минимальный набор «политических товаров» (У. Зартман, Р. Рутберг, К. Краузе, Дж. Милликен, М. Дорнбос)⁴ и «Вебе-

¹ Kaplan R. The Coming Anarchy / R. Kaplan //Atlantic Monthly – 1994. – February. – URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/1994/02/the-coming-anarchy/4670/>.

² Дунаева Ю. В. Государства: несоставившиеся или другие?: реферативный обзор / Ю. В. Дунаева // Политическая наука. – 2007. - № 3. - С. 85-107.; Кустарев К. «Неудавшиеся государства» / К. Кустарев // Космополис. – 2004. - № 2(8). - С. 17-36.; Крупнов Ю. Нацибильдинг / Ю. Крупнов. – URL: <http://www.kroupnov.ru/pubs/2003/11/0059/>; Малек М. Распад государств и его значение для международных отношений (категории и метод теоретического анализа) / В. Малек // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. – 2006. - № 3. – С. 84-95.; Малек М. Распад государств и его значение для международных отношений (актуальные проблемы) / В. Малек // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. – 2006. - № 5. – С. 46-56.; Минаев М. Проблематика «слабых государств» в американской аналитике / М. Минаев // международные процессы. – 2007. – Т. 5, № 2. – С. 86-94.; Пискунова Н. Распад государства: локальный феномен или глобальная угроза? К вопросу о кризисе в Сомали 1990-2008 гг. / Н. Пискунова // Космополис. – 2008. - № 3(22). – С. 79-86.; Федюкин И. Монтеррейский консенсус II. Новые мягкие суверенитеты / И. Федюкин // Полит.ру. – URL: <http://old.polit.ru/documents/476633.html>.

³ Кустарев А. Националь-государство, его наследники и наследие / А. Кустарев // Русский Архипелаг. – URL: http://www.archipelag.ru/geoconomics/kapital/_evolution/heritage/; Макаренко В. П. Государство и политический реализм: пути когнитивного сопротивления / В. П. Макаренко // Космополис. – 2006. - №1. – С. 44-62.; Маклаков А. Нация и государство: конец Вестфальского мира / А. Маклаков // Диалог.UA. – URL: http://dialogs.org.ua/project_ua_full.php?m_id=13392; Хрусталев М. Международные аспекты социально-политической стабильности / М. Хрусталев // Международные процессы. – 2008. – Т. 64. № 2. – С. 48-60.

⁴ Collapsed States. The Disintegration and Restoration of Legitimate Authority / ed. by I. W. Zartman. – I. : Lynne Rienner Publishers, 1995. – 303 p.; State Failure and State Weakness in a Time of Terror / ed. by R. I. Rotberg. –W. Brookings Institution Press, 2003. – 354 p.; Milliken J., Krause K. State failure, state collapse, and state reconstruction: Concepts, lessons and strategies / J. Milliken, K. Krause // Development and change. – 2002. – Vol. 33, № 5. – P. 753-774.; Doornbos M. State collapse and fresh starts: Some critical reflections / Doornbos M. // Development and change. – 2002. – Vol. 33, № 5. – P. 797-815.

ровский», основывающийся на понимании государства как института обладающего монополией на насилие и средства принуждения на данной территории (Р. Джексон, С. Краснер, Д. В. Поттер, А. Сейкаль).⁵

В рамках второго направления существует целый ряд исследований проводимых международными организациями («Фонд Мира» и «Фонд международного мира Карнеги» («Индекс «неудавшихся государств»)⁶, Всемирный Банк («Группа Всемирного Банка по хрупким и пораженным конфликтом странам»), и другие); различными исследовательскими центрами («Бруклинский институт» и «Институт государственной эффективности» («Индекс суверенитета»)⁸, «Центр исследования кризисных государств»⁹, и другие); государственными структурами отдельных стран («Комиссия по слабым государствам и национальной безопасности США» при «Центре глобального развития»¹⁰, «Канадское агентство международного развития» («Индикаторы стран для Внешней политики»)¹¹ «Целевая группа по политической нестабильности» при Directorate of Intelligence ЦРУ США¹²).

Отдельные аспекты «неудавшихся государств», такие как варлордизм или нелегальная экономика, в частности наркобизнес, представлены более широким спектром исследований в частности из-за

⁵ Jackson R. H. Quasi-states: Sovereignty, international relations and the third world / R. H. Jackson. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1993. – 240 p.; Jackson R. H. Surrogate Sovereignty and Great Power Responsibility and «Failed States». Working paper № 25. November 1998 / R. H. Jackson // University of British Columbia. Institute of International Relations. – 27 p. – URL: http://www.comm.ucsb.edu/research/mstchl/failed_states/1998/papers/Jackson.html; Krasner S. D. Sovereignty. Organized Hypocrisy / S. D. Krasner. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1999. – 248 p.; Potter D. W. State Responsibility, Sovereignty and Failed States. September 2004. / D. W. Potter // University of Tasmania School of Government – 16 p. – URL: http://www.adelaide.edu.au/apsa/docs_papers/Others/potter.pdf; Saikal A. Dimensions of state disruption and international responses / A. Saikal // Third world quarterly. – 2000. – Vol. 21, № 3. – P. 39-49.

⁶ Index of Failed States 2006 // The Fund for Peace. – URL: [http://www.fundforpeace.org/web/index.php?option=com_content&task=view&id=104&Itemid=324](http://www.fundforpeace.org/web/index.php?option=com_content&task=view&id=104&Itemid=324;); Index of Failed States 2009 // The Fund for Peace. – URL: http://www.fundforpeace.org/web/index.php?option=com_content&task=view&id=99&Itemid=140.

⁷ Country Policy and Institutional Assessments. Assessment Questionnaire. December 2007. // World Bank Operations Policy and Country Services. – 46 p. – URL: <http://siteresources.worldbank.org/IDA/Resources/CPIA2007/Questionnaire.pdf>.

⁸ Ghani A., Lockhart C., Carnahan M. Closing the Sovereignty Gap: an Approach to State-Building. Working Paper № 253. September 2005. // Overseas Development Institute. – 20 p. – URL: <http://www.effectivestates.org/Papers/Closing%20the%20Sovereignty%20gap.pdf>.

⁹ Crisis states research centre. – URL: <http://www.crisisstates.com/>.

¹⁰ On the Brink: Weak State and U.S. National Security. August 2004 / Commission on Weak States and US National Security. The Center for Global Development. – 76 p. – URL: http://www.cgdev.org/doc/books/weakstates/Full_Report.pdf.

¹¹ Failed and Fragile States // CIFP. – URL: <http://www.carleton.ca/cifsp/fss.htm>; Failed and Fragile States Data and Methodology // CIFP. – URL: http://www.carleton.ca/cifsp/fss_data_methodology.php.

¹² Political Instability Task Force. – URL: <http://globalpolicy.gmu.edu/pift/>; State Failure Task Force Report: Phase III Findings. September 2000. // Task Force for State Failure. – 234 p.

того, что эти явления получили свое научное обоснование несколько раньше. Что касается варлордизма то здесь большую часть исследований можно разделить на три группы: первая это исследования посвященные происхождению этого явления и его проявления в разные исторические периоды¹³; вторая это теоретико-методологические исследования¹⁴; третья группа исследований посвящена вопросам трансформации варлордов в «пислордов» и участии в процессе восстановления и строительства государства¹⁵. Вопросам варлордизма непосредственно в Афганистане посвящены исследования А. Джистоззи, Н. Уллаха, Б. Рубина, М. Тарика, С Шеттера, Р. Гласснера и других¹⁶.

Отдельным аспектам процессов политической фрагментации и «неудавшегося государства» в Афганистане посвящено достаточно широкий круг как англоязычной, так и русскоязычной литературы. Вопросам этнополитической структуры афганского общества посвя-

¹³ Marten K. Warlordism in Comparative Perspective / K. Marten // International Security. – Winter 2006/2007. – Vol. 31, № 3. – P. 41-73.; McCord E. The power of the Gun, the Emergence of Modern Chinese Warlordism / E. McCord. – Berkeley: University of California Press, 1993. – 436 p.; Smyth A. P. Warlords and Holy Men. Scotland AD 80-1000 / A. P. Smyth. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1984. – 279 p.; Ch'en J. The military-gentry coalition: China under the warlords / J. Ch'en. – Toronto: Toronto-York Univ. Joint Centre on Modern East Asia, 1979. – 201 p.; Warlords, Artists and Commoners. Japan in the Sixteenth Century / ed. by G. Elison, B. L. Smith. – Honolulu: University Press of Hawaii, 1981. – 356 p.; Whittaker D. Landlords and warlords in the latter Roman Empire / D. Whittaker // War and society in the Roman Empire / Ed. by J. Rich, G. Shipley. – N.Y.: Routledge, 1993. – P. 94-120.

¹⁴ Eide E. B. Conflict entrepreneurship: On the art of waging civil war / PRIO Report № 4. / E. B. Eide // The International Peace Research Institute, Oslo (PRIO). – 1997. – P. 41-69.; Giustozzi A. The Debate on Warlordism: the Importance of Military Legitimacy. Discussion Paper № 13. October 2005. / A. Giustozzi // Crisis states programme. Development Research Centre. – 25 p.; Lock P. From the Economics of War to Economics of Peace. The dynamics of shadow globalization and the diffusion of armed violence as an obstacle to build peace/ November 2002. / P. Lock. – URL: <http://www.peter-lock.de/txt/winterschool.php>; State Failure Revisited II: Actors of violence and Alternative Forms of Governance. INEF Report № 89. // Institut für Entwicklung und Frieden. – 2007. – 72 p. – URL: <http://inef.uni-due.de/page/documents/Report89.pdf>.

¹⁵ Peake G., Gormley-Heenan C., Fitzduff M. From Warlords to Peacelords: Local leadership Capacity in Peace Processes/ INCORE Report. December 2004. // International Centre Excellence for Conflict and Peace Studies (INCORE).The United Nations University. – 78 p. – URL: <http://www.incore.ulst.ac.uk/research/projects/wpl/WplFull.pdf>.

¹⁶ Giustozzi A. Warlords into businessmen: the Afghan transition 2002-2005 / A. Giustozzi // Development Research Centre LSE. – URL: http://www.brad.ac.uk/acad/twc/papers/Giustozzi_Antonio_Warlords_into_Businessmen_the_case_of_Afghanistan.pdf; Giustozzi A., Ullah N. «Tribes» and Warlords in Southern Afghanistan, 1980-2005. Working Paper № 7. September 2006. / A. Giustozzi, N. Ullah. // Crisis states programme. Development Research Centre. – 22 p. – URL: <http://www.crisisstates.com/download/wp/wpSeries2/wp7.2.pdf>; Rubin B. The Fragmentation of Afghanistan. State Formation and Collapse in the International System / B. Rubin. – New Haven: Yale University Press, 2002. – 420 p.; Tariq M. O. Tribal Security System (Arbakai) in Southeast Afghanistan. Occasional Paper № 7. December 2008. / M. O. Tariq // Crisis states programme. Development Research Centre. – 22 p. – URL: <http://www.crisisstates.com/download/op/OP7Tariq.pdf>; Schetter C., Glassner R., Karokhail M. Beyond Warlordism. The Local Security Architecture in Afghanistan / C. Schetter, R. Glassner, M. Karokhail // Internationale Politik Gesellschaft. – 2007. – № 2. – P. 136-152.; Giustozzi A. Warlords into businessmen: the Afghan transition 2002-2005 / A. Giustozzi // Development Research Centre LSE. – URL: http://www.brad.ac.uk/acad/twc/papers/Giustozzi_Antonio_Warlords_into_Businessmen_the_case_of_Afghanistan.pdf.

шены труды Слинкина М. Ф., Лалетина Ю. П., Каткова И. Е., Ахмеда Акбара С., Хашимбекова Х. и т. д.¹⁷. Вопросов афганской исламской оппозиции касаются труды Спольникова В. Н., Таннера С., Князева А. А. и других¹⁸. Применительно к Исламскому движению «Талибан» особенно стоит упомянуть исследования Рашида А. и Сикоева Р. Р.¹⁹ Вопросам восстановления афганского государства после падения режима талибов посвящен чрезвычайно обширный круг исследований, таких авторов как Коргун В. Г., Серенко А., Рошана Г. Р., Джинустоззи А. и других

В целом можно сказать, что, несмотря на наличие достаточного количества литературы по афганской проблеме, комплексных исследований политических процессов в Афганистане через призму концепции «неудавшихся государств» до сих пор нет, что также актуализирует тему диссертационного исследования.

Предмет, объект и хронологические рамки исследования. Предметом исследования являются процессы политической фрагментации в Афганистане, рассматриваемые с точки зрения концепции «неудавшихся государств». Объектом исследования является феномен «неудавшихся государств». Хронологические рамки диссертационной работы ограничиваются периодом 1992 – 2009 гг. Выбор таких хронологических рамок обусловлен наибольшей интенсивностью процессов политической фрагментации и государственного коллапса в Афганистане.

Цель и задачи исследования. Основной целью исследования является анализ процессов политической фрагментации и «неудавше-

¹⁷ Катков И. Е. Социальные аспекты племенной структуры пуштунов / И. Е. Катков // Афганистан: история, экономика, культура / отв. ред. Ю. В. Ганковский. - М.: Наука, 1989. – С. 54–55.; Лалетин Ю. П. Государство и племя в политической системе Афганистана / Ю. П. Лалетин // Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А. О. Воскресенского. - М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – С. 412–454.; Лалетин Ю. П. Межэтническое взаимодействие в Афганистане / Лалетин Ю. П. // Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные: Учеб. Пособие для студентов вузов / под ред. А. Д. Воскресенского. - М.: Аспект Пресс, 2008. – С. 289–314.; Слинкин М. Ф. Этническая проблема в Афганистане / М. Ф. Слинкин // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 66. – С. 46–60.; Хашимбеков Х. Узбеки Северного Афганистана / Х. Хашимбеков. – М.: ИВ РАН, 1994. – 56 с.; Akbar S. A. Tribes and States in Waziristan / S. A. Akbar // The Conflict of Tribe and State in Iran and Afghanistan / Ed. by Tapper R. – N.Y. : St. Martin's Press, 1983. – P. 196–224.

¹⁸ Спольников В. Н. Афганистан: исламская оппозиция, истоки и цели / В. Н. Спольников. – М. : Наука, 1990. – 191 с.; Таннер С. Афганистан: история войн от Александра Македонского до падения «Талибана» / С. Таннер; пер. с англ. С. М. Саксина. – М. : Эксмо, 2004 – 448 с.; Князев А. История Афганской войны 1990-х гг. и превращение Афганистана в источник угроз для Центральной Азии / А. А. Князев. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2002. – 320 с.

¹⁹ Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии / А. Рашид; пер. с англ. М. Появляева. – М : Библион – Русская книга, 2003. – 368 с.; Сикоев Р. Р. Талибы: религиозно-политический портрет / Р. Р. Сикоев. – М. : ИВ РАН «Крафт», 2004. – 253 с.

гося государства» в Афганистане, а также факторов способствовавших краху афганского государства в первой половине 1990-х гг. В этом плане автор считает необходимым решение ряда исследовательских задач: выявить и исследовать комплекс причин и процессов, которые приводят к государственному краху, а также совокупность свойств и характеристик, присущих «неудавшимся» «слабым» и «коллапсировавшим» государствам; выявить комплекс врожденных и приобретенных причин слабости афганского государства; системно рассмотреть политические процессы в Афганистане, непосредственно связанные с государственным крахом; рассмотреть проблемы и перспективы восстановления афганского государства и государственного строительства.

Методология исследования. Методологическую основу диссертации составляет системный подход. При написании работы также использовались метод сравнительно-политологического анализа, институциональный метод, различные статистические методы (логистическая регрессия, метод «случай-контроль» и другие), а также метод анализа конкретной ситуации («case-study»).

Источниковая база исследования. При написании диссертации был использован широкий круг источников. Прежде всего, это документы ООН, представленные преимущественно докладами и обзорами «Управления ООН по наркотикам и преступности» (УНП ООН, UNODC – «United Nations Office on Drugs and Crime»), посвященные ситуациям с незаконным оборотом наркотиков в Афганистане и «Конференции ООН по торговле и развитию» (ЮНКТАД, UNCTAD – «The United Nations Conference on Trade and Development»). Большое количество источников составляют различные документы официальных структур США, посвященные проблемам терроризма, слабых и «неудавшихся» государств. Некоторые статистические данные, используемые в диссертации приводятся в соответствии с данными порталов «CIA The world Factbook» и «NationMaster». Данные по результатам выборов в Афганистане приводятся по базе данных портала «Электоральная география 2.0.». Серьезный источник для исследования постталибского Афганистана представляет собой новая Конституция Афганистана. К источникам также можно отнести выступления и воспоминания зарубежных и афганских общественных деятелей и ученых по вопросам истории и политики Афганистана²⁰.

²⁰ Вали Шах. Мои воспоминания / Шах Вали; пер. с фарси Зудина П. Б., под редакцией Ахрамовича Р. Т. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. - 120 с.; Wali S. Afghanistan statement. 30 October 1997 // U.S. Congressional Human Rights Caucus. – URL: <http://googleblog.blogspot.com/.../human-rights-caucus-briefing.html>; Krakowski E. D. The Future of Afghanistan statement. 7 November 2001 // E. D. Krakowski // U.S. The House Committee on Interna-

Научная и новизна исследования. В силу достаточной слабой изученности как самих процессов политической фрагментации и феномена «неудавшихся государств» в целом, так применительно к Афганистану, выбранная тема диссертационного исследования представляется не только чрезвычайно актуальной, но и новаторской. Многие концепции, термины и определения, включенные автором в текст диссертации, вводятся в научный оборот российской политической науки впервые. Новаторским является подход, рассматривающий политические процессы не с точки зрения развития или модернизации государства, а с точки зрения его краха.

Исследование процессов политической фрагментации и «неудавшегося государства» в Афганистане нашло отражение в положениях, выносимых на защиту:

1. Независимо от подхода «неудавшиеся государства» обладают рядом характерных признаков: потерей политического контроля над собственной территорией, отсутствием монополии на насилие и средства принуждения, институциональной и инфраструктурной слабостью, невыполнением своих базовых функций и плохим снабжением населения «политическими товарами», расширением политического и сужением легального экономического пространства, а также недееспособностью на международной арене. Рост числа «неудавшихся государства» не является признаком заката национальных государств, а скорее выражение отсутствия условий, которые сделали возможным учреждение современных государств в Европе.

2. За последние 25-30 лет Афганистан является одним из наиболее ярких примеров «неудавшегося государства», то есть государства, которое не выполняет присущих ему функций. Государственное устройство, власть, право и политический порядок здесь разрушены,ничейные или распределены между локальными центрами силы (Исмаил Хан, Дустум, Ширзай и другие), которые в пределах своей зоны контроля могут поддерживать их на доступном им уровне, а политическое и экономическое пространства деформированы.

3. В случае с Афганистаном имеет место совокупность врожденной и временной слабости государства, причины и предпосылки которой можно сгруппировать несколько блоков: этнополитическая, религиозная и лингвистическая гетерогенность общества; природно-климатический фактор и особенности менталитета афганцев; внешнеполитические и геополитические причины и предпосылки; этнический

tional Relations. – URL: <http://foreignaffairs.house.gov/>; Stabilization and Reconstruction: Building Peace in a Hostile Environment hearing. 16 June 2005 // Testimony of J. Kunder. Committee on Foreign Relations US Senate. – URL: <http://foreign.senate.gov/hearings/2005/lrg050208a.html>.

вопрос в Афганистане и политизация этничности; особенности племенной структуры в Афганистане и ее влияние на политическую систему, и государство в Афганистане; деструктивные политические процессы и ускоренная, радикальная политическая модернизация, проводимая НДПА.

4. После падения режима Наджибуллы и начала этнической войны между группировками моджахедов можно говорить о коллапсе афганского государства. Государство практически перестало существовать, его легальная политическая и экономическая сфера деформировалась до такой степени, что фактически перестали существовать в масштабах всей страны. Как государство Афганистан де-факто прекратил свое существование. Децентрализация и политическая фрагментация достигли такого уровня, что возникли предпосылки политической и территориальной дезинтеграции Афганистана. Приход к власти движения «Талибан» это попытка восстановить афганскую государственность через консолидирующую варлоджизм. При этом «Талибану» так и не удалось преодолеть этап перехода от движения консолидирующего варлордизма к государству, не удалось создать эффективно-действующую политическую систему и государство.

5. Главным политическим итогом постталибского периода стало создание институциональных основ политической системы и государства, позволяющие Афганистану начать транзит от «неудавшегося», «коллапсированного» государства к слабому, но состоявшемуся государству, способному минимально снабжать население «политическими товарами» и заинтересовать все группы общества в своем существовании.

6. Главной политической проблемой и отображением деформации политического пространства страны, а так же одной из особенностей «неудавшегося государства» в Афганистане является варлордизм, выражавшийся во фрагментации государственной власти, функций и военной силы между множеством негосударственных военно-политических акторов.

7. Решение стоящих перед Афганистаном сегодня проблем кроется в построение сложного компромисса, поиске такой политической конфигурации, при которой все политические акторы (северяне, талибы, варлорды, местные лидеры, новая элита во главе с Х. Карзаем) будут включены в легальный политический процесс и получат соответствующее место в новой политической системе афганского государства. Любые попытки построить в Афганистане некую модель западного государства и политической системы без учета особенностей афганского племенного, комбинированного (сегментарного) общества

обречены на провал и скатывание к коллапсу. По всей видимости, в среднесрочной и даже долгосрочной перспективе Афганистан останется государством балансирующим между состоянием «неудавшегося» и слабого государства.

Научная и практическая значимость исследования. Научная ценность исследования заключается в попытке теоретического осмыслиения комплекса проблем, связанных с политической фрагментацией и «неудавшимся государством» в Афганистане, расширении теоритико-методологической основы анализа политических процессов в этой стране. Практическая значимость диссертационного исследования видится в возможности использования некоторых ее положений и выводов: при подготовке аналитических материалов, связанных с проблематикой, которая составляет предмет диссертационного исследования; для дальнейшего изучения рассматриваемых в работе и смежных в ней тем; а также, в известной степени, при решении соответствующих вопросов в целях реализации практических задач российской внутренней и внешней политики.

Апробация работы. Научные результаты исследования прошли апробацию на кафедре международных отношений и регионоведения факультета международных отношений Воронежского государственного университета. Основные положения диссертации получили отражение в публикациях по теме исследования.

Структура диссертации отвечает целям и задачам исследования и направлена на раскрытие его предмета и объекта. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы и приложения.

Основное содержание работы

Во Введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, характеризуется степень научной разработанности проблемы, формулируются цель и задачи исследования,дается описание его методологической базы, характеристика новизны, указывается научная значимость исследования.

Первая глава «Теоретические основы исследования феномена “неудавшихся государств” состоит из трех параграфов.

Первый параграф «Понятие “неудавшихся государств” посвящен теоретическому исследованию понятия и категории «неудавшихся государств».

Автор отмечает, что категория «неудавшихся государств» недостаточно разработана в политической науке, является предметом дискуссий и неоднозначно трактуется в научной литературе и офици-

альных документах. Отсутствует единый подход к таким категориям, как «государственное строительство» («стейтбилдинг»), «национальное строительство» («нацибилдинг»), государственный крах, «неудавшееся государство», «надлежащее управление», «наращивание потенциала» и т. д.

Анализируя множество дефиниций «неудавшихся государств», автор отмечает, что в последнее время наблюдается две тенденции. Первая детализирует это понятие. Помимо терминов «weak state» – («слабое государство»), «failed state» – («неудавшееся государство») и «failing state» – («гибнущее государство»), выделяют также «collapsed state» – («коллапсированное (рухнувшее) государство»), «fragile state» – («хрупкое государство»), «traumatized state» – («поврежденное государство»), «diminished state» – («редуцированное государство»). Обратная тенденция наоборот стремится унифицировать дефиниции. «Неудавшиеся государства» подразделяются на два вида: «crisis state» («кризисное государство») – это понятие объединяет все термины, описывающие острые стадии разложения, фрагментации государства и близко к понятию «неудавшегося государства»; «vulnerable state» («уязвимое государство») – некая первоначальная стадия фрагментации или стадия восстановления государства, что соответствует «слабому государству» и «хрупкому государству».

Резюмируя изложенное, очевидно, что категория «неудавшихся государств» несет в себе разнообразные характеристики. В их числе: «неудавшееся государство», как «хрупкое государство», недавно вышедшее из состояния гражданской войны (Ливан, Сербия); «слабое государство», в котором процесс модернизации буксует или даже идет вспять (Демократическая Республика Конго, Руанда, Босния, Филиппины); «поврежденное государство» и «редуцированное государство», где имеются все предпосылки к дальнейшей фрагментации (Грузия, Ирак); «гибнущее государство» или «неудавшееся государство», т. е. страна, неспособная, в силу врожденных или приобретенных причин, сойти с траектории распада (Афганистан); и, наконец, «коллапсированное (рухнувшее) государство» это страна уже фактически не представляющая собой целостное политическое пространство (Сомали, Либерия, Судан, Афганистан 1990-х гг.). Сущность категории «неудавшееся государство», по мнению автора, следует определять как совокупность политических, социально-экономических, geopolитических и международно-правовых признаков, характеризующих государство как дефектное, неспособное выполнять возложенные на него функции, монополизировать насилие и средства принуждения в пре-

делах своих границ, контролировать свою территорию и признаваться в качестве полноправного субъекта международных отношений.

Второй параграф «Процесс и формы государственного краха» посвящен исследованию процесса и форм государственного краха в соответствии с двумя доминирующими, в рамках концепции «неудавшихся государств» подходами («Локковским» и «Веберовским»).

Как отмечает автор, «Локковский» подход, расценивает государство как поставщика «политических товаров». Соответственно, «неудавшееся государство» это государство, которое не в состоянии или не желает поставлять населению даже минимальный объем таких товаров. Сам государственный коллапс это не просто бунт, государственный переворот или беспорядки это более глубокий, длительный процесс, представляющий собой долгосрочную дегенеративную болезнь государства. Это ситуация, где государственное устройство, власть, право и политический порядок разрушены, ничейные или распределены между локальными центрами силы в масштабах всей страны. Невыполнение или плохое выполнение государством функций приводит к тому, что как центр принятия решений государство становится парализованным, нефункционирующим и неэффективным – законы не принимаются, порядок не защищен и социальное единство не увеличивается; государство как территория и как центральная суверенная организация больше не гарантирует безопасность и снабжение населения «политическими товарами»; как властный политический институт, государство потеряло свою власть (способность добиваться реализации принятых решений), управление общественными делами и легитимность, которая становится «доступной любому желающему» («up for grabs»); и, наконец, как политическая система и система социо-экономической организации у государства разрушен функциональный баланс входов и выходов. Для государства это означает, что оно потеряло право управлять и не функционирует ни с традиционными, ни с харизматическими, ни институциональными источниками легитимности.

В отличие от «Локковского», «Веберовский» подход основывается на понимании государства М. Вебера, как института обладающего монополией на насилие и средства принуждения на данной территории. Этот подход представлен, среди других, теоретиками международных отношений Р. Джексоном, С. Краснером и Д. В. Поттером. Можно сказать, что главными составляющими государства при анализе государственного краха в «Веберовском» подходе выступают суверенитет, безопасность, контроль над территорией, границами и распоряжение физическими средствами власти. Главным признаком

утраты государством суверенитета, прежде всего, внутреннего является присвоение негосударственными акторами части суверенных прав государства. В результате происходит отчуждение государства и «приватизация» государственной власти. В слабом или «неудавшемся государстве» монополия на власть ослаблена или разрушена в двух пространствах – географическом и временном. Находясь в процессе распада и вытесняемое «приватизированной властью» государство не способно осуществить функцию безопасности, которая своеобразно, в соответствии с собственными целями, осуществляется субъектами «приватизированной власти» – сепаратистами, автономистами, варлордами, преступными сообществами и бандами и даже соседними государствами. Границы такого государства практически утрачивают свою значимость и не выполняют функцию эффективных разделительных линий между пространствами различных систем. Возникает олигополия власти.

Подводя итоги, можно сказать, что независимо от подхода «неудавшееся государство» это государство, которое не выполняет своих базовых функций, ограничено снабжает или вовсе не поставляет населению «политические товары», потеряло монополию на насилие и средства принуждения, не контролирует или слабо контролирует свою территорию и границы. Сам процесс государственного краха представляет собой сложный, противоречивый и длительный процесс политической фрагментации, приобретающий разнообразные формы.

Третий параграф «Варлорджизм» посвящен исследованию варлорджизма, как основной формы «приватизации» государственной власти в процессе государственного краха и политической фрагментации.

При всей разности подходов, автор резюмирует, что категория варлордов, как негосударственных военно-политических акторов включает в себя следующие аспекты: варлорд признан как легитимный и вероятно даже харизматический военный лидер; должен периодически вести успешные военные действия, чтобы поддержать свою легитимность и оправдать свою роль и статус; имеет полный и автономный контроль над военной силой; осуществляет политическую власть над частью территории государства, где центральная власть или разрушена или слаба; он применяет силу, чтобы поддержать свою власть; показывает неопатримональный подход к государству; заинтересован, прежде всего, в собственной выгоде и не борется за высшее дело; не заинтересован в изменении природы государства, которое он пытается свергнуть или заменить.

Автор выделяет несколько типов варлордов: аполитичные «предприниматели насилия/конфликта» (наркобароны, лидеры транснациональных преступных группировок); традиционные местные правители; основанные на клане «военно-политические предприниматели»; не основанные на клане «военно-политические предприниматели»; полевые командиры.

Роль варлорджизма в процессе государственного краха и восстановления государства можно свести к трем наиболее распространенным сценариям. Первичный варлорджизм, являющийся прямым следствием процессов ослабления или распада системы безопасности и политических институтов государства. Вторичный или фрагментирующий варлорджизм, который является косвенным результатом внутреннего кризиса государства, когда происходит последующая фрагментация первичных структур варлордов. Консолидирующий – когда варлорджизм становится началом процесса консолидации или первоначального накопления власти, что, в конечном счете, может привести к формированию государства, как только «критическая масса власти» будет достигнута.

Вторая глава «Причины и предпосылки “неудавшегося государства” в Афганистане и процессы политической фрагментации (1992-2009 гг.)» состоит из двух параграфов.

Первый параграф «Причины и предпосылки государственного краха в Афганистане» посвящен исследованию причин и предпосылок «неудавшихся государств» в Афганистане. Автор считает, что «неудавшиеся государство» в Афганистане представляет собой совокупность врожденной и временной слабости причины и предпосылки, которой можно сгруппировать несколько блоков.

Во-первых, это этнополитическая, религиозная и лингвистическая гетерогенность общества в сочетании природно-климатический фактором и особенностями менталитета афганцев. Автор приходит к выводу, что афганскому обществу вполне применима характеристика комбинированного или сегментарного общества, т. е. общества, где отдельные части (сегменты) существуют независимо, территориально отделены друг от друга и обладают относительно одинаковой структурой и функциями. Все это препятствует государственному строительству и формированию общенационального сознания, делая чрезвычайно сложной проблему управления. Во-вторых, это внешнеполитические и geopolитические причины и предпосылки, в результате которых Афганистан прошел путь от важного геостратегического пункта азиатской цивилизации до статуса «буфера», «транзитного государства» между различными империями и системами, что явно не

способствовало независимому и суверенному развитию или построению сильного афганского государства.

В-третьих, это этнический вопрос и политизация этничности. Сегментарность общества, внешнеполитические факторы сделали этнический вопрос в Афганистане ключевым. Этнический вопрос в Афганистане имеет три взаимовлияющих измерения существующих параллельно друг другу. Во-первых, это пуштунизация, как основа централизации и государственного и национального строительства. Во-вторых, это укрепление национального самосознания этнических меньшинств и политизация этничности, т. е. создания на базе того или иного этноса политической силы. В-третьих, это коренные противоречия внутри пуштунского этноса. Резюмируя надо сказать, что политика пуштунизации, ослабление пуштунского этноса и вражда между пуштунскими племенами с одной стороны и консолидация этнических меньшинств и политизация этничности с другой стороны создали условия, при которых элиты севера стали претендовать на власть в общенациональном масштабе. В итоге афганский конфликт обрел форму этнического противостояния и привел к коллапсу государства.

В-четвертых, это особенности племенной структуры в Афганистане и ее влияние на политическую систему, и государство в Афганистане. По мнению автора, для афганского государства и политической системы в связи с их тесной взаимосвязью и взаимообусловленностью с племенной структурой общества наиболее важным вопросом является вопрос о власти. Для властных отношений внутри племенных групп свойствен неинституционализированный характер и отсутствие или размытость центра. То есть каждый афганец связан с предком по отцовской линии, принадлежит к особой группе, или местному сообществу, называемому «каум», где значительную роль продолжают играть кровнородственные связи и патронажно-клиентальные отношения и где власть хана (главы племени) зависит от консенсуса внутри «каума». В такой ситуации, «каумы» являются властными центрами, существующими независимо и параллельно от любой государственной власти и афганец, прежде всего пуштун, в первую очередь идентифицирует себя с «каумом», а потом уже с государством, ханом и т. д. «Каумы» пронизывают всю политическую систему, дублируют ее институты, превращая государство и политическую систему часто в формальную надстройку над собой. И если на протяжении большей части ХХ в. рост буржуазии, светской и военной интеллигенции, рост числа городов и городских жителей способствовал постепенному разложению «каума» и «ханского (племенного) государства», то события последних 20-30 лет стали серьезным шагом назад, фактически про-

изошла практически полная ретрайбализация афганского государства и общества.

В-пятых, это деструктивные политические процессы и ускоренная, радикальная политическая модернизация, проводимая НДПА. Вторая половина XX в. в Афганистане характеризуется прогрессирующим обострением социальных противоречий в обществе, вызванным деструктивными политическими процессами и постепенным «расшатыванием» основ афганской государственности, государства, устоев традиционной политической системы без предложения работоспособной альтернативы.

Таким образом, начиная со второй половины XX в. политические процессы в Афганистане отличались острой борьбой между различными общественными и политическими силами, пытавшимися, каждая по-своему, решить вставшие перед страной экономические и политические проблемы. Часто эта борьба проходила в крайне острой форме, начиная от репрессий заканчивая вооруженной борьбой, геноцидом/политицидом, насилиственной сменой политического режима, гражданской войной в форме революционной или этнической войны. Главными особенностями таких политических процессов, зачастую, были игнорирование национального менталитета и традиций. Это привело к росту национального и местного сепаратизма, политической фрагментации, коллапсу государства и инфраструктуры, хаосу и небезопасности.

Второй параграф «Процессы политической фрагментации в Афганистане в 1992-2009 гг.» посвящен исследованию особенностей процессов политической фрагментации в Афганистане в 1992-2009 гг. от полного коллапса государства в первой половине 1990-х гг., через частичную консолидацию государства режимом талибов до процессов восстановления государства в постталибский период, от революционной войны 1980-х гг., до этнической войны и случаев геноцида/политицида в 1990-х гг.

К концу 1970-х гг. в приграничных с Афганистаном районах сосредоточилось большое количество афганских оппозиционных организаций и групп численностью бойцов около 5 тыс. человек. Вопрос о будущем Афганистана для группировок оппозиции оставался остро дискуссионным. Все большую автономность получали местные командующие или полевые командиры. 29 апреля 1992 г. моджахеды взяли Кабул, и режим Наджибуллы пал. Столица была поделена на зоны влияния. Уже осенью 1992 г. между моджахедами начались масштабные боевые действия, которые носили явно этнический характер. В стране возникли региональные и локальные очаги власти, степень

лояльности которых кабульскому режиму зависела от политических позиций и партийной принадлежности местных лидеров.

Автор выделяет три уровня центров власти в Афганистане первой половины 1990-х гг., каждый из которых возглавлялся представителями новой элиты, сформировавшейся в ходе революционной войны 1980-х гг. и сменившей потерявших власть и влияние традиционных духовных и этнических авторитетов. Во-первых, это протогосударственные образования, каждое из которых пыталось поставлять собственный набор «политических товаров» подконтрольному населению, и во главе которых стоял региональный лидер, имевший, как правило, явственные политические и государственные амбиции (северо-восток Афганистана контролировал возглавляемый А. Ш. Масудом «Наблюдательный совет» с центром в Талукане провинции Тахар; Дустум создал автономию четырех северных провинций (Балх, Джаян, Фариаб и Кундуз) с центром в Мазари-Шарифе; Исаил Хан контролировал пять западных провинций (Герат, Батгиз, Фарах, Нимруд и Гильменд)). Во-вторых, это симбиозные формы традиционной, племенной власти и варлордизма. Здесь отдельные варлорды, носившие титулы «вали» (губернатор) или «амир» возглавляли «Руководящие советы», сформированные из числа соратников варлорда и влиятельных лиц провинции. К этой категории можно отнести: главу исмаилитов С. М. Надери в Баглане; Абдул Кадира в Нангархаре и т.д. В-третьих, местные коалиции. Здесь власть делили представители нескольких политических партий, формируя местную коалицию. Это имелось, например, в Фарахе, который был под контролем людей Хекматияра, Гилани и Исмаил Хана. Поскольку коалиции были не прочны, а этническая война продолжалась, местные коалиции представляли собой наименее прочные формы и центры власти. Автор делает вывод, что децентрализация и политическая фрагментация в Афганистане в первой половине 1990-х гг. достигли такого уровня, что возникли предпосылки территориальной дезинтеграции Афганистана.

Однако коллапс государства не может продолжаться вечно. Коллапсированное государство рано или поздно должно либо окончательно распасться на ряд государств и территорий, либо должна появиться сила, которая будет способна, как правило, силовым путем восстановить государство. Такой силой в Афганистане стало исламское движение «Талибан», которое захватив в 1996 г. Кабул, контролировав 90 % страны, объявило о создании «Исламского Эмирата Афганистана» (ИЭА), а его лидер Махаммад Омар Ахунд-зада был объявлен «амиром уль-муминином» («повелителем правоверных»).

Автор приходит к выводу о том, что идеологически талибы, их радикальный, средневековый ислам, выбивались из общего афганского контекста. У них было свое собственное идеологическое основание – крайняя форма деобандизма, проповедовавшегося пакистанскими исламскими партиями в афганских лагерях беженцев в Пакистане. Кроме крайнего исламского радикализма, идеяными и политическими основами «Талибана» были принцип и институт «шуры» при принятии политических решений, хотя впоследствии процесс принятия решений в «Талибане» резко изменился и стал жестко авторитарным и централизованным, а также определенная преемственность политической традиции дуррани.

Политическая структура «Талибана» и ИЭА была следующей. Центральным руководящим органом талибов был «Верховный Совет» («Кандагарская Шура») в Кандагаре, который стал новым центром власти в Афганистане, перемещаясь от таджикского Кабула к пуштунскому дурранийскому Кандагару. Кроме «Кандагарской Шуры» существовали еще две «шуры», которые были подотчетны ей. Во-первых, это Совет министров или «Кабульская Шура», во-вторых, это «Военный Совет» («Военная Шура»), отвечавший за планирование и принятие тактических решений. Однако, практически не один вопрос не мог быть решен без предварительных консультаций с Кандагаром, что затягивало принятие решений практически до бесконечности. В результате эта работа правительства была фактически парализована. В итоге страна фактически оказалась без функционирующего правительства, с набором институтов, полномочия которых были до конца неопределенны, пересекались и накладывались, сам процесс принятия решений был крайне медленным, централизованным, авторитарным и практически нерегламентированным. Таким образом, к концу 1990-х гг. «Талибан» пришел к диктатуре одного человека в отсутствие какой-либо четко выстроенной государственной и политической структуры.

Резюмирую необходимо сказать, что в контексте концепции «неудавшихся государств» режим «Талибана» была попыткой восстановить афганскую государственность через консолидирующий варлоджизм. Практика талибов показала, что преодоление децентрализации и коллапса государства и переход к централизации, в условиях Афганистана, возможны только силовым путем, достижение же компромисса в столь этнически многообразном, глубоко конфликтном обществе и воссоздание государства мирным путем, которое расшатывалось на протяжении нескольких десятков лет, и изначально было крайне слабым, практически невозможно. А самому «Талибану» так и

не удалось преодолеть этап перехода от движения, консолидирующего варлордизма к государству, не удалось создать эффективно-действующую политическую систему и государство.

Теракты 11 сентября 2001 г. в США, в совершении которых подозреваются Усама бин Ладен и «Аль-Каида», начали новый этап в истории Афганистана. В результате военной операции (октябрь – ноябрь 2001 г.), в которой участвовали войска «Северного альянса», США и их партнеры, режим «Талибана» и ИЭА пали. Практически сразу же после подписания Боннского соглашения началось постепенное формирование временных центральных институтов власти и разработка новой конституции. Уже на стадии подготовки проекта Конституции обнаружились системные противоречия между различными группами в постталибской элите страны. Прежде всего, это касалось формы государственного устройства (федерация (представители этнических меньшинств, интеллектуалы и западники) унитарное государство (пуштунская элита)); форма правления (президентская республика (Х. Карзай и связанная с ним, в основном пуштунская, элита) формы ограниченно-президентской республики и парламентской республики (представители этнических меньшинств севера)); роль и место ислама в новой конституции. Все эти вопросы стали предметом жаркого обсуждения уже на самой «Конституционной Лоя Джирги», открывшейся 14 декабря 2003 г. 4 января 2004 г. Конституция подавляющим большинством голосов была принята. В целом Афганистан получил вполне демократическую конституцию.

Сразу после падения режима «Талибан» началось активное партийное строительство. Сегодня в Афганистане насчитывается около 60 политических партий и движений, большинство из которых: носят виртуальный характер; ассоциируются с именем и авторитетом лидера, то есть представляют собой некую клиентелу лидера; не имеют или имеют слабо проработанную политическую программу; часто носят этно-племенной характер. Автор выделяет две категории партий: «партии моджахедов» или «джихадисты» (ИОА Б. Раббани, ИСОА А. Р. Сайяфа, НФСА С. Моджадиди, НИДА А. Р. Дустума, НИФА С. А. Гилани), то есть политические партии и движения, во главе которых стоят бывшие лидеры моджахедов или в основе которых лежат группировки афганской исламской оппозиции; «новые партии», возникшие после падения режима «Талибана» («Партия исламской независимости Афганистана» (ПИНА) С. А. Фердоуси, «Движение национального единства Афганистана» (ДНЕА) С. М. Гази, «Партия демократии Афганистана» (ПДА) А. В. Масуда, «Национальный совет за мир и демократию в Афганистане», «Партия сторонников

национального прогресса», «Единая национальная партия Афганистана» (ЕНПА) Н. Х. Олуми и т. д.).

В постталибский период в стране удалось провести три общегосударственные избирательные кампании, которые позволили Х. Карзая, оставаясь в общем техническим президентом, сохранить свою власть. В то же время налицо сохраняющееся разделение страны на север и юг и нерешенные проблемы варлордов, талибов, наркобизнеса и т.д.

Подводя итоги, следует сказать, что главным политическим итогом постталибского периода стало создание институциональных основ политической системы и государства, позволяющие Афганистану начать транзит от «неудавшегося», «коллапсированного» государства к слабому, но состоявшемуся государству, способному минимально снабжать население «политическими товарами» и заинтересовать все группы общества в своем существовании.

Третья глава «Особенности «неудавшегося государства» в Афганистане» состоит из двух параграфов.

Первый параграф «Варлорджизм и процессы политической фрагментации в Афганистане» посвящен варлорджизму как одной из главных особенностей «неудавшегося государства» в Афганистане, выражавшийся во фрагментации государственной власти, функций и военной силы между множеством негосударственных военно-политических акторов.

В Афганистане наблюдаются все типы и виды варлорджизма. Современный афганский варлорджизм берет свое начало в конце 1980-х гг., когда местные командующие оппозиции и правительственный войск стали получать все больше автономии от политического руководства. Автор выделяет два этапа развития варлорджизма, в ходе которых он переживал стадии ускоренного роста и снижения, а потом постепенного включения в деятельность государства: 1. начало 1990-х гг. – 1996 г.; 2. постталибский период с осени 2001 г. и по настоящее время.

После падения режима Наджбуллы в Афганистане начался период «хищнического» первичного (по отношению к «сиротским» варлордам вышедшим из среды армии, силовых структур) и вторичного (для движения исламской оппозиции) варлорджизма. Появились тысячи мелких негосударственных военно-политических акторов. Среди этой массы можно назвать только несколько варлордов занимавших более менее крупную территорию, сумевших поставить под контроль или поглотить более мелких военно-политических акторов и стремившихся создать свое «прото-государственное» образование. Через

сеть местных командующих (клиентов и вассалов) крупный варлорд мог управлять обширными территориями. Однако в пределах этой области доминирующий варлорд контролировал далеко не все поселения и не всех местных командующих. Зона его ответственности представляла собой совокупность дисперсно расположенных центров власти, концентрация которых увеличивалась ближе к центру или ключевым районам, например, транспортным коммуникациям, районам культивирования опиумного мака или месторождениям полезных ископаемых. Одним из факторов способствовавшим возвышению одних варлордов над другими были тесные связи с соседними государствами (Исмаил Хан с Ираном, Рашид Дустум с Узбекистаном и т. д.). Кроме того, важное значение имела харизма и способность командующего заключать союзы, быть политически гибким. Таким образом, к середине 1990-х гг. структура управления варлорда в Афганистане представляла собой совокупность дисперсно расположенных центров власти и иерархическую систему с элементами хаотических, часто даже враждебных отношений, на горизонтальном уровне.

Автор выделяет несколько моделей варлордизма в Афганистане: режим личной власти, установленный в западном Афганистане (Герат) Исмаил Ханом; фракционный варлордизм с преобладанием одной организации «Национального исламского движения Афганистана» (НИДА) во главе с Р. Дустумом в Северном Афганистане, которая соперничает и сотрудничает с другими группами: региональным отделением ИОА во главе с Устадом Атта, шиитами-хазарейцами из ПИЕА во главе с Махмадом Мохаккеком и др.; недостаток централизации привел к появлению множества средних варлордов, управлявших несколькими районами в Северо-Восточном Афганистане; преобладание «предпринимателей конфликта» в центре страны в основном вокруг Кабула и доминирование основанных на клане «военно-политических предпринимателей» и традиционных местных правителей на востоке и юго-востоке Афганистана (семья губернатора Хаджи Абдул Кадир в Джелалабаде; Губернатор Гул Ага Ширзай и его семья в Кандагаре; Абд-эль Кэдер в Нахнагаре, Баша Хан в Зардане и Пактии и другие).

Автор приходит к выводу, что сегодня варлорды представляют собой серьезное препятствие для восстановления Афганского государства. Процесс включения варлордов в государственное строительство и трансформации их в «пислордов» протекает крайне медленно. Режиму Х. Карзая, так и не удалось выработать работоспособную формулу участия и кооптирования структур власти варлордов вновь создаваемый политический порядок и политическую систему. С одной

стороны варлорды не заинтересованы в сильном государстве, их устраивает минимальное «государство-рантье», с другой стороны режим Х. Карзая, так же как и его зарубежные партнеры, не готовы открыто выступить против афганских варлордов, поскольку это чревато возобновлением острой стадии государственного краха и гражданского конфликта. Мало перспективным выглядит сценарий создания государства под варлордов, хотя бы, потому что они преследуют зачастую совершенно разные цели и интересы, которые носят противоположный, глубоко конфликтный характер. По всей видимости, афганский варлорджизм по-прежнему будет оставаться ключевым фактором, как процессов политической фрагментации, так и процессов политической консолидации в Афганистане.

Второй параграф «Нелегальная экономика и наркобизнес» посвящен проблеме наркобизнеса, как одного из видов «экономики конфликтной зоны» «неудавшегося государства» в Афганистане.

Автор выделяет три периода развития наркобизнеса и наркоэкономики в Афганистане. Во-первых, это период начала гражданской войны в конце 1970-х гг. и до середины 1990-х гг., когда неприхотливость опиумного мака вместе с высокой прибыльностью и в совокупности с внешнеполитическими и военно-политическими факторами, сделали его наиболее подходящей, приспособленной культурой для «экономики конфликтной зоны» в условиях внутреннего конфликта и коллапса государства. Самой важной особенностью наркобизнеса и вообще «экономики конфликтной зоны» в Афганистане 1980-х гг. было то, что большинство крупных экономических игроков (землевладельцев и транзитных торговцев) напрямую не ввязывались в вооруженную борьбу и, в отличие, от других конфликтных регионов не финансировали создание собственных «частных армий». То есть в ходе вооруженного конфликта в Афганистане на протяжении 1980-х гг. не наблюдалось слияний экономических и военно-политических элит, как например это было в Мьянме. Итогом 1980-х гг. стало превращение Афганистан в одного из ведущих производителей опиума в мире. С 1980 по 1990 гг. производство опиума возросло с 200 до 1570 тонн в год, а доля Афганистана в мировом производстве опиума возросла с 19 % до 42 %.

Во-вторых, это период правления движения «Талибан». Отношение талибов к наркобизнесу носило противоречивый характер. С одной стороны им удалось ввести действенный запрет на культивирование опиумного мака, с другой стороны талибы никогда не запрещали торговать опиумом. Индустрия наркобизнеса после прихода к власти «Талибана» испытала настоящий бум. При этом производство

опиума росло и на территориях контролируемых Северным Альянсом, но его доля в общеафганском масштабе оставалась небольшой. В целом наркоСпроизводство оставалось сосредоточено на юге страны, и этнически было по большей части пуштунским. Однако наибольшее количество лабораторий по переработке опиума в героин находилось на севере Афганистана. Таким образом, наблюдалась некое разделение труда в наркоиндустрии, если юг занимался в основном выращиванием опиумного мака, то север его переработкой. Впоследствии, используя жесткие меры, подкрепляя это религиозным запретом, талибам удалось в разы снизить объемы культивирования опиумного мака и производства опиума. Запрет в 2000-2001 гг. на территориях контролируемых талибами был практически полным. Однако, несмотря на запрет талибов в 2001 г. Афганистан остался одним из ведущих производителей опиатов в мире.

В-третьих, это постталибский период с конца 2001 г. С падением авторитарного фундаменталистского режима талибов наркоситуация резко ухудшилась и масштабное производство опиума возобновилось. Наркобизнес стал трансформироваться, функция наркобизнеса как средства финансирования вооруженного противостояния ушла на второй план, а на первое место вышла адаптационная функция наркобизнеса и нелегальной экономики в целом, позволяющая в условиях «неудавшегося государства» выживать огромным массам населения. Наркобизнес вновь стал одной из основ нелегальной региональной экономики.

Таким образом, в Афганистане наблюдалось взаимовлияние и взаимопроникновение нелегальной экономики или «экономики конфликтной зоны» и наркобизнеса с одной стороны, и вооруженного конфликта с другой. С одной стороны военно-политический конфликт направлял способствовал расширению производства опиума. С другой стороны «экономика конфликтной зоны» и наркобизнес, являясь само воспроизводящимися системами, в условиях «неудавшегося государства» в Афганистане способствовали продолжению конфликта и процессов политической фрагментации и тормозили процессы государственного строительства и восстановления страны. Все это представляет собой замкнутую, само воспроизводящую и самоподдерживающую систему: крах государства (слабость государства) – конфликт – наркобизнес («экономика конфликтной зоны») – конфликт – крах государства (слабость государства) – «Экономика конфликтной зоны» и наркобизнес играли в Афганистане и важную положительную роль, заключавшуюся в адаптации основной массы населения к край-

не негативным последствиям, возникшим в результате государственного краха.

В *Заключение* диссертационного исследования подводятся итоги проведенного анализа, формулируются основные выводы.

В *Приложении* приводятся данные в виде таблиц, схем, рисунков, карт, которые схематично отражают и дополняют диссертационное исследование.

3. Список работ, опубликованных по теме диссертационного исследования.

1. Баутин А. А. «Веберовский» подход к проблеме «неудавшихся государств» / А. А. Баутин // Проблемы международных отношений и региональной политики в условиях глобальных трансформаций. По материалам международной научно-практической конференции (Воронеж, 4 сентября 2009 г.) / под общ. ред. Слинько А. А.; отв. ред. Дмитрисва С. И. – Воронеж: ВГУ, 2009. – С. 145-151. – 0,4 п.л
2. Баутин А. А. Исламский фактор в современном мире / А. А. Баутин // Проблемы национальной безопасности и контроль над вооружениями. Учебно-методическое пособие для вузов / Составители: А. А. Слинько, А. А. Баутин, А. А. Милякова. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2007. – С. 23-48. – 1,6 п.л.
3. Баутин А. А. «Локковский» подход к проблеме «неудавшихся государств» / А. А. Баутин // Проблемы международных отношений, регионоведения и истории. Сборник статей молодых ученых. – Воронеж, 2009. – С. 95-113. – 1,4 п.л.
4. Баутин А. А. «Неудавшиеся» («несостоявшиеся») государства (на примере Судана и Сомали) / А. А. Баутин // Актуальные проблемы государства и права: Сборник научных статей / отв. ред. П. Н. Бирюков, А. А. Слинько. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2009. – Вып. 3. – С. 62-72. – 0,6 п.л.
5. Баутин А. А. «Неудавшиеся государство» в Афганистане / А. А. Баутин // Панорама-2009. Материалы о научной деятельности Факультета международных отношений ВГУ / под общ. ред. А. А. Слинько; отв. ред. О. В. Шаталов. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2009. – С.216-226. – 0,7 п.л.
6. Баутин А. А. Постталибский Афганистан и процессы государственного строительства: проблемы и противоречия / А. А. Баутин // Среднерусский вестник общественных наук. – 2010. - №1. – С. 166-171. – 0,3 п.л. - статья издана в журнале, рецензируемом ВАК.

Подписано в печать 20.10.10 г. Формат 60x84. Усл. печ. л.1,5
Тираж 100 экз. Заказ № 474
Отпечатано в типографии ФМО
Воронежского государственного университета
394068, Воронеж, Московский Проспект 88, корп. 8, ауд. 2076